

северодвинские (борецкие и пермогорские), вологодские прялки. К поволжским — ярославские и костромские.

Дается подробное описание процесса изготовления и оформления этих вещей, отмечается, что форма и характер орнамента связаны с определенной местностью и были традиционными. Анализируются сюжеты росписи и резьбы на лопастях прялок. Изображаемые сюжеты очень разнообразны: жилой интерьер, сцены прядения, трапезы, прогулки, праздничные выезды и т. д. На некоторых изделиях есть надписи, разъясняющие сюжеты росписи. Верны наблюдения автора о различных «почерках», художников пермогорской росписи. Разносторонне описаны прялки (поволжские, костромские). В этом плане прялки могут стать дополнительным источником в изучении сложной проблемы этногенеза.

Статья «Городецкие донца» посвящена описанию уникальных произведений народного искусства — донцев, изготовлявшихся искусными резчиками и живописцами Заволжья. Коллекция городецких донцев Исторического музея насчитывает около 80 предметов. Наиболее старые донца коллекции относятся к XVIII в., самые новые — к первой четверти нашего столетия. Автор описывает процесс изготовления донцев и группирует их по принципу декоративного оформления (резные, резные с инкрустацией, инкрустированные с подкраской, живописные). Городецкие донца своеобразны и по форме и по украшению, в быту они употреблялись не только как рабочий инструмент, но и как декоративное украшение. Поэтому очень ценились изделия с инкрустацией, выполненной мореным дубом.

В декоративном оформлении донцев автор отмечает сюжеты, отражающие пережитки древнеязыческих верований. Интересно дан анализ различных композиций на темы из жизни деревни той эпохи. Статья с интересом читается.

Заключительная статья сборника «Художественные изделия из бересты» знакомит читателя с оригинальным и мало известным видом народного творчества — изготовлением из бересты шкатулок, табакерок, туесков. Автор рассказывает о коллекции устюжской бересты, о мастерах того времени; о ранее неизвестном центре ее изготовления — Рязани.

Рецензируемая книга вводит в науку большой и свежий материал, представляющий несомненную ценность. При строгой научности авторы сумели сделать ее яркой и интересной для широких кругов читателей, она живо и образно написана.

Большим достоинством работ С. К. Просвиркиной, С. К. Жегаловой, З. П. Поповой, Ю. С. Черняховской и С. Г. Жижиной является то, что для объяснения сюжетов и сцен, изображенных на крестьянских изделиях, авторы привлекают разнородный материал: исторические сведения, фольклор, древнерусскую миниатюру и иконопись. Можно было бы пожелать авторам еще больше расширить эту часть, используя богатый полевой материал.

В книге приведены очень интересные иллюстрации, они хорошо выполнены, даны крупным планом.

Книга «Сокровища русского народного искусства» не только знакомит нас с очень ценными коллекциями Исторического музея, но и прививает вкус к прекрасным произведениям народного искусства.

А. А. Лебедева

С. П. Б а с а р и а. *Избранные сочинения*. Сухуми, 1967, 184 стр.

С. П. Басариа — известный абхазский просветитель, публицист и этнограф. В рецензируемую книгу вошли его работы, опубликованные с 1910 по 1937 г. в ряде кавказских периодических изданий и сборников.

Статьи С. П. Басариа, написанные в 1920—1930-е годы, отражают процесс национального возрождения абхазского народа. Еще до Великой Октябрьской социалистической революции под влиянием народного движения были предприняты попытки приостановить казалось бы необратимый процесс физического вымирания абхазов (стр. 29)¹. Подлинное национальное развитие этого народа было обусловлено глубокими социалистическими преобразованиями, осуществленными в годы Советской власти «в весну раскрепощения малых народов» (стр. 82), во всех областях экономической и культурной жизни Абхазии — бывшего захолустья Российской империи.

С. П. Басариа был просветителем своего народа, популяризатором его истории. О чем бы он ни писал: об обычаях и быте родного народа или о волшебной природе Абхазии, о людях, состарившихся уже на втором веку жизни, или о богатых естественных ресурсах края — всюду чувствуется биение сердца подлинного гражданина-патриота, вдумчивого исследователя и темпераментного публициста.

Для научного метода С. П. Басариа характерно прежде всего строго критическое отношение к различным первоисточникам и специальным исследованиям, посвященным абхазам и написанным часто со слабым, а то и абсолютным незнанием предмета.

¹ См. Г. А. Дзидзариа, С. П. Басариа (очерк, предпосланный рецензируемой книге), стр. 10.

Хорошо ориентируясь в кавказоведении своего времени, С. П. Басариа в собственных научных изысканиях прежде всего опирался на полевые материалы. Это обстоятельство часто придавало его работам этнографический характер. Примером может служить интересный для широкого круга читателей очерк «Редкие случаи долголетия в Абхазии», в котором использован большой полевой материал, ныне ставший почти уникальным.

При отсутствии как писаной истории родной страны, так и письменной культуры вообще, люди смутно представляли свое прошлое, передавая из уст в уста исторические легенды и предания, в которых содержатся воспоминания об исторических фактах. Многие из этих преданий весьма показательны для характеристики этнического самосознания абхазов в прошлом.

Свободно владея рядом абхазо-адыгских и картвельских языков (в общей сложности это около десяти резко отличающихся друг от друга языков), С. П. Басариа в своих работах приводит сравнительный лексический материал из абазинского, абхазского и других языков, по которым, в частности, можно проследить абхазо-адыго-картвельские культурно-исторические контакты (стр. 84—85).

Весьма широко он использовал и те материалы, которых так недостает многим авторам, писавшим об абхазских племенах. Это прежде всего сведения, идущие непосредственно из уст самого народа: легенды и предания, к которым автор, вместе с тем, относит весьма критически (стр. 49); топонимическая номенклатура, хорошим интерпретатором которой он являлся (стр. 67—77) и т. д.

Работы С. П. Басариа содержат ряд сведений о трагических переселениях в XIX в. абхазов и других горцев Кавказа в Турцию, вызванных социально-экономическими обстоятельствами, колонизаторской политикой царизма и провокацией турецких агентов и местной феодально-родовой аристократии². Спустя много десятилетий после этого переселения Н. Я. Марр с болью писал, что в целых районах Абхазии не было ни души абхазской, ни звука абхазского. В османской Турции беженцев ждало горькое разочарование. «Выходцы с Кавказа,— писал С. П. Басариа в 1913 г.— променявшие свои родные горы и ущелья на радужные обещания вольной жизни в Турции, были разочарованы» (стр. 26). Остатки абхазского населения в самой Абхазии представляли собой в основном два небольших островка в бассейне р. Бзыбь (ныне Гудаутский район) и между реками Кодор и Гализга (ныне Очамчирский район). И только в условиях Советской власти, особенно в последнее время в результате культурно-экономического прогресса, роста абхазского населения эти области были заселены.

Особо надо отметить работы, в которых автор выступает искренним поборником дружбы народов. Именно в ней он видит основной фактор национального возрождения своего народа. Он трогательно отзывался о бескорыстных тружениках на ниве просвещения народов Кавказа. В этом отношении показателен очерк «Иван Васильевич Долгов» (стр. 39—41), посвященный памяти русского педагога, «ветерана народной школы».

Из больших работ С. П. Басариа в сборник с некоторыми сокращениями включен «Учебник по географии Абхазской АССР», еще при жизни автора выдержавший три издания. Работа эта представляет собой не только физико-географическое описание богатой по разнообразию рельефа республики, но и ценную систематизацию ее экономических ресурсов.

К сожалению, в книге имеются отдельные недочеты в основном редакционного характера. Составители сборника подвергли сокращениям некоторые работы С. П. Басариа (кстати, об этом читатель узнает только из очерка Г. А. Дзидзари, предпосланного сборнику) и часть из этих сокращений, по нашему мнению, неудачна: Так, из работы «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении» опубликованы лишь отдельные выдержки, причем ценные этнографические материалы и исследования в них не вошли. Из работы «Абазинский аул в Малокарачаевском округе» исключены некоторые этнографические наблюдения автора. Среди них — культурно-социальная характеристика горянки в период социалистической реконструкции на Кавказе³.

К числу редакционных недочетов надо отнести также и неупорядоченность примечаний: не всегда ясно, какие из них принадлежат автору, а какие составителям.

Однако несмотря на это, предпринятое Г. А. Дзидзариа и М. Л. Хашба издание отдельным сборником работ С. П. Басариа, не потерявших своего значения по сей день, надо признать полезным и своевременным.

Г. В. Цулая

² См. И. Г. Антелава, Из истории аграрного движения в пореформенной Абхазии, «Изв. АН ГрузССР», т. X, № 4, Тбилиси, 1949, стр. 251—258 (на груз. яз.); Г. А. Дзидзариа, Присоединение Абхазии к России и его прогрессивное значение, Сухуми, 1961, стр. 229; см. также Х. О. Лаипанов, К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию, «Труды Карачаево-Черкесского НИИ», вып. V (серия историческая), Ставрополь, 1966, стр. 111—131.

³ С. П. Басариа, Абазинский аул в Малокарачаевском Округе, Сухум, 1929, стр. 4.